
Литературные страницы

Вожак, или Тень волчицы

Литературный сценарий художественного фильма

Рафаел Айрапетян,
кинодраматург,
г. Москва, Россия.

1. В лесу.

Раннее утро в заснеженном мартовском лесу. Двое охотников шли по глубокому рыхлому снегу в самой чащобе. Оба были бородаты, только у того, что помоложе, борода небольшая, а у того, что постарше, она закрывала грудь.

Старый шел впереди. Внезапно молодой кинулся в сторону большого дерева и наклонился над землей.

– Семеныч! Есть след!

Семеныч подошел, кинул взгляд и отвернулся.

– Старый. Сколько тебя учу, Васька, а все без толку. Неужели не видишь, что снегом припорошен, а сверху уже и ледяная корочка есть?

– Да я думал, может, просто ветром намело, – попытался оправдаться молодой, поспешая за егерем.

– Да и не нужен нам лось. У него сейчас мясо смолой пахнет.

Они продолжали идти по чащобе. День выдался ясный. Солнце ярко блестело в небе. Охотники вышли на небольшую лужайку. Вдруг из-под ног молодого вылетел огромный глухарь и, тяжело взмахивая крыльями, полетел в глубь леса. Молодой сорвал ружье, выстрелил два раза подряд, но промазал, а егерь спокойно прицелился и одним выстрелом снял птицу. Она камнем упала на границе между открытым пространством и лесом на небольшой сугроб, из которого торчали валежины и сухие ветки. Молодой побежал за глухарем и, наступив на основание сугроба, попытался взобраться наверх, но нога его неожиданно провалилась куда-то вглубь. Василий стал ее вытаскивать, но вдруг лицо его исказила боль, и он дико закричал. С трудом выдернув ногу, он упал. Из образовавшейся щели выскочила разъяренная волчица и накинулась на лежащего охотника.

– Стреляй, Семеныч! Стреляй! – кричал молодой, пытаясь схватить волчицу за шерсть, а та вертелась ужом, рвалась к его горлу. Семеныч подбежал к ним и попытался выстрелить. Но в этом клубке было не разобрать – где волчица, а где уже теряющий силы человек. Наконец егерю удалось разрядить ружье в уже грызущую шею Василия волчицу. Та едва слышно заскулила, даже застонала, а затем распласталась над логовом и затихла. Из норы послышалось кряхтенье и слабый разноголосый вой. Семеныч уронил ружье в снег.

У Василия все лицо было залито кровью. На губах пузырилась пена. Он пытался говорить, но лишь хрипел и выталкивал из себя кровавую слюну.

– Молчи! Побереги силы, – сказал Семеныч.

Придерживая одной рукой голову Василия, он вытащил из скинутого рюкзака бинт и вату и попытался наложить повязку на горло, хотя ясно было, что это бесполезно. Вскоре Василий затих, устремив серые глаза в холодное небо. Семеныч стащил шапку, все еще придерживая на коленях его голову, но уже покачиваясь всем телом в слепом отчаянии и безнадежности.

А из черного зева логова мерцали огоньки глаз осиротевших волчат.

2. На кладбище.

Священник, размахивая кадиллом, говорил нараспев:

– Со святыми упокой, Христе, душу раба твоего, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная.

Отец Марии, не старый еще человек лет пятидесяти, вложил горсть земли в руку дочери. Она хотела резко швырнуть ее, но в последний момент что-то остановило Марию, и она нехотя и почти равнодушно бросила землю вниз. Дед дал горсть земли и семилетнему внуку Андрейке, который нерешительно взглянул на мать.

– Ну, бросай, – сказал дед. – Земля ему пухом.

Мальчик растопырил пятерню, и земля осыпалась вниз. Дед аккуратно бросил свой комок в изголовье гроба. Затем пришедшие на похороны – человек тридцать, в основном молодых людей, стали подходить и бросать в могилу смешанную со снегом мерзлую землю. Одновременно с этим двое могильщиков стали засыпать ее, орудуя совковыми лопатами. Потом все пили водку из небольших граненых стаканчиков и пожимали руки Марии, Андрейке и деду.

Отец Марии, обращаясь к собравшимся, сказал:

– А теперь просим к нам, помянуть нашего Васю.

Он нахлобучил шапку на Андрейку, надел свою, тронул за локоть дочь:

– Пошли, дочка.

Мария качнулась, Андрейка схватил ее за руку, и они пошли.

И все потянулись с кладбища, оставив позади черную могилу в окружении грязноватого мартовского снега.

3. Поминки в квартире Марии. Вечер.

Гости уже разошлись. За разоренным столом, на котором еще стояли грязные тарелки, пустые бутылки и блюда с остатками снеди, сидели Мария и дед. Уставший Андрейка спал одетый на диване, сжимая в руках деревянного Буратино. Две пожилые женщины стали убирать тарелки со стола. Мария не вполне трезвым голосом вскрикнула, обращаясь к одной из них:

– Да оставьте вы! Тетя Вера! Я потом сама уберу!

Тетя Вера отмахнулась.

– Сиди уж. Мы все сделаем.

Мария приподнялась было с места, затем махнула рукой. Дед, сидевший подперев голову, приобнял ее и сказал:

– Сиди, Машенька. Еще наработаешься, успеешь.

Маша прижалась головой к отцу.

- Папа... Как же так? Ну как же так, а?
- Ну что тут скажешь... Одно - твоя-то жизнь не кончилась. А она еще вон какая у тебя будет.
- Какая? Какая теперь жизнь?
- Ну что ты, что ты! Рано себя хоронить. Да и мужик вон у тебя растет. Он мотнул головой в сторону дивана. Маша отстранилась, смахнула слезы.
- Да, - сказала она. - Вот и с ним как... В школу готовить надо.
- Да в порядке все будет, вот увидишь. Меня вроде в бригаду берут - дачу строить. Летом обещали.
- Все деньги ушли, - она кивнула на уже полупустой стол. - А там столько всего надо, в школу-то.
- Да ну! А ты помнишь, как в первом классе с букварем спала? Мы с матерью тебя от него отодрать не могли.
- Маша вздохнула.
- Слушай, а наверное, мама наша там Васю встретила?
- Где? - непонимающе уставился на нее отец.
- Ну... там...
- А-а, - понял он. - Встретила. Только ты теперь пойми - у них свое, а у нас свое. Жить надо.
- Она опять вздохнула и сказала:
- Надо.

4. На кладбище. Майский день.

Дедушка с внуком устанавливают оградку на могиле Василия. Дед прилаживает к деревянной ограде дверку. Андрейка поддерживает ее, чтобы легче было привинчивать скобы. Внезапно он поднимает голову и пристально смотрит на деда.

- Дед, а почему тогда над ним дядя пел?
- Чтобы его Бог простил.
- А разве надо, чтобы Бог простил?
- Ну конечно. Это всем надо.
- А Бог всех прощает?
- Всех.

5. Столовая. Яркое майское утро.

На кухне столовой работали двое - Мария, которая переворачивала котлеты на большой сковороде, и тетя Вера, грузная пожилая женщина. Она что-то помешивала в большой кастрюле. У стены стоял небольшой стол, а за ним сидел Андрейка и ел жареную картошку.

- Здравствуйте, красавицы! - на кухню вошла молодая ухоженная женщина в светлом плаще, чуть постарше Марии.
- Тетя Наташа, - закричал Андрейка и с разбегу повис на ней. Маша торопливо отставила в сторону сковородку с котлетами и побежала к сестре. А та уже голосила, обнимая Андрейку:
- Сиротинушка ты мой!

Затем она подалась навстречу сестре, не выпуская Андрейку, уже сжимавшего в руках гостинец – шоколадку.

– Машенька! – теперь уже они рыдали в два голоса.

Немного успокоившись, Маша подвела Наташу к тете Вере.

– Тетя Вера, а это сестра моя, я вам рассказывала. Она уже несколько лет в Москве. Родила недавно. Сына. Поэтому и на похороны тогда не смогла приехать.

Тетя Вера приветливо кивнула.

– Как же! Мне Маша все уши прожужжала – сестра в Москве, сестра в Москве! Очень рады.

Через некоторое время они все сидели за столом в кухне. Пили чай, закусывая вафельным тортом.

– Твой-то хоть детдомовский был – ни отца, ни матери – ты да Андрейка и все. А у моего родни навалом. Только как узнал про ребенка – так и поминай, как звали.

– Ну, совсем опаршивел народ! Ей богу! – возмущенно воскликнула тетя Вера.

– Да. Тяжело мне одной поднимать.

– А ребенок-то с кем остался? – спросила Маша.

– У хозяйки оставила. Я у нее комнату снимаю. Только вечно это продолжаться не может.

– Так, может, лучше тебе сюда переехать? – предложила тетя Вера.

– А чего я здесь не видела? – вдруг ошетибилась Наталья. – Отец вон – здоровый мужик, а без работы сидит, у нее на шее, – она мотнула головой в сторону Маши. – А в Москве хоть какая-никакая, а работа есть.

Она немного помолчала, затем решительно произнесла:

– Собирайся, Машка. Я потому и приехала, чтобы тебя отсюда забрать.

– Как? Прямо так – забрать?

– А что? Работу я там тебе подыскала – по профилю, – она махнула в сторону кухонной плиты. – А она ждать не будет.

Андрейка переводил взгляд с матери на тетку и обратно. Он был встревожен и даже приподнялся на коленях, чтобы обратить на себя внимание.

– А как же он? – растерянно спросила Мария. – Мне ж его в школу готовить надо.

– Тем более! А тут на какие такие деньги готовить будешь, а? Там им знаешь сколько всего надо? И обувь, и одежду, и сумку, и принадлежности разные! А так ему же лучше будет. Денег будешь им с дедом высылать.

– А отца вроде в бригаду берут... Он же не согласится.

– Да согласится, куда он денется. Много он в той бригаде наработает. А так – и тебе поможет и внуку. Ладно. Отца я на себя беру.

И, понизив голос:

– Да там, если хочешь, и замуж выйти можно. Мужиков – море.

– Это она дело говорит, – внезапно поддержала Наталью тетя Вера. – Не век же тебе без мужика вековать.

– Да ну что вы, при мальце, – застеснялась Мария.

– А что малец? Малец вон взрослый уже. Ну что, Андрейка, сможешь прожить с толком?

- А как это - с толком?

- Как? Самостоятельно!

Андрейка поднял на мать глаза, затем прижался к ней потеснее и вздохнул:

- Смогу.

6. Отъезд. Квартира Марии.

Ранним утром Мария сидела за столом с отцом. Они пили чай.

- Ты, отец, не беспокойся, я, как на работу устроюсь, так и денег вам начну высылать. Вы пока перекантуйтесь тут на картошке.

- Ну что ж, может быть, так правильнее. Не знаю. Все равно бригада и без меня распалась. Только без работы тошно. Может, и мне в Москве работу подыщете? Ты скажи Наталье, а то она все нос воротит, мол, только тебя в этой Москве и не хватало. А что - в Москве плотники не нужны, что ли?

- Пап, ну ты же знаешь, что пока ты с Андрейкой здесь будешь. Что ж зря сейчас болтать?

Он помолчал, долил себе чаю и, размешивая сахар, сказал:

- Значит, мое дело стариковское - внуков нянчить, на печи лежать?

- Ну, папа! - остановила его Маша.

Он еще помолчал немного и добавил:

- Ну, в общем, все будет в порядке, не беспокойся. Я ведь все-таки Наталью в этом вопросе поддерживаю. Надо тебе в Москву ехать, пока возможность есть. Так что у тебя здесь опора всегда найдется, не волнуйся.

Мария поцеловала спящего мальчика, затем взяла со стула небольшой чемодан. Отец проводил ее до дверей. Она накинула легкий плащик, обняла отца. Он махнул рукой:

- Ну, с Богом!

Она вышла, затем вдруг из дверей сказала:

- Ой, забыла совсем. Андрейка просил братику игрушку отвезти. Дай его Буратину, а то возвращаться не хочется.

Отец вынес деревянного Буратино.

- Вези. А я ему еще сделаю.

- Ну, все. Счастливо.

- Счастливо, дочка.

Мария ушла. Он сел на стул и замер, упершись одной рукой в обеденный стол. Мальчик, проснувшись, увидел печального деда.

- А где мама?

- Уехала, - махнул рукой дед.

Мальчик быстро оделся, схватил со стола кусок хлеба и бросился вон из дома.

- Я ее догоню.

- Да ты что, она утром рано уехала.

Но мальчика уже и след простыл.

7. На улице. Утро. Крыльцо подъезда.

На улице было холодно. Вначале Андрейка побежал к железнодорожной станции, затем постепенно перешел на шаг, потом повернул обратно к дому. У

дома он присел на ступеньки. К нему подошел знакомый кот, который потерся о его ногу и замурлыкал. Мальчик вытащил краюху хлеба, дал кусочек коту. Тот понюхал, с видимым отвращением дернул лапой и присел рядом. Андрейка принялся жевать, но кот вдруг вздыбил шерсть и негодуя застонал. На тротуаре мирно стоял пес, который заинтересованно смотрел на мальчика, жующего хлеб. Он был похож на шотландскую овчарку, но при вытянутом носе и длинной шерсти был гораздо миниатюрнее своих отдаленных предков. Хотя это был не щенок, а вполне взрослое животное.

Пес сделал несколько шагов и почти ткнулся носом в отвергнутый котом кусочек хлеба, когда тот взвыл еще сильнее и резко замахнулся, готовясь ударить наглеца. Мальчик бесстрашно схватил кота и оттащил его назад. Пес спокойно взял хлеб и отошел в сторонку. Мгновенно расправившись с едой, он приблизился к своему защитнику и положил ему лапу на колени. Андрейка потрепал пса по голове. Тот попытался лизнуть его. Мальчик захохотал и откинулся назад. Оскорбленный и возмущенный кот наблюдал за ними, по-прежнему напряжив тело и подвывая. Мальчуган обнял пса и прижался лбом к его удлиненной морде.

8. Мария в Москве. Лестничная площадка.

Мария позвонила в дверь. За дверью раздалось рычание. Она робко позвонила во второй раз. Опять раздалось рычание. Затем дверь приоткрыла бабушка, которая, глядя в щелку, спросила:

- Вам кого?
- Здравствуйте. Я сестра Наташина.
- А-а, приехали. Ну, заходите.

Она открыла дверь.

9. В квартире.

Мария шагнула внутрь и почти сразу была атакована огромной догиней. Чемоданчик полетел в сторону.

– Джина! Не смей! На место! – безуспешно кричала бабушка.

Мария от неожиданности взвизгнула, защищаясь, пыталась оттолкнуть огромную морду, оскалившую зубы на уровне ее глаз. Догиня положила лапы ей на плечи и попыталась лизнуть в губы. Мария от страха помертвела и осела на пол. Бабушка оттащила Джину за ошейник и увела в кухню. Затем вернулась в прихожую со стаканом воды, помогла Марии встать.

– Вы уж извините. Она у нас такая добрая, кормилица моя.

– Д-добрая? – заикаясь, произнесла Мария и без сил опустилась на стоящий у двери стул.

– Вот, вышейте. Успокойтесь. Ну как? Полегчало?

– П-полегчало.

– А вы всегда так заикаетесь или только сейчас?

– Всегда. А...а... то есть... сейчас.

– Ну, это пройдет, пройдет. У нас всегда так – как кто войдет, так заикаться начинает. А потом проходит.

– А я... не привыкла.

Бабушка подобрала чемоданчик и сказала:

– Ну все, вставайте. Давайте знакомиться. Я Галина Григорьевна.

– Мария... то есть Маша.

– Ну ладно. Пойдемте, я вам вашу комнатку покажу. И с племянником вашим познакомлю.

10. В комнате у Наташи.

Хозяйка ввела Марию в комнату, где в коляске спал младенец.

– Ваня, Ванюша, – позвала Мария.

– Не буди, – шепнула бабушка.

– На отца моего похож, – тоже шепотом сказала Мария.

В это время раздался звонок в дверь.

– Это Наташа? – рванулась к двери Мария.

– Да нет, не похоже. Она в это время всегда на работе. Я лучше на всякий случай собаку выпущу.

Она вышла, вывела из кухни собаку. Маша наблюдала сквозь приоткрытую дверь. Звонок повторился, на этот раз настойчивее.

11. Прихожая.

Бабушка открыла дверь и ойкнула:

– Ой! Шурка! Откуда ты?

В прихожую вошел мальчик лет двенадцати с авоськой.

– Откуда, откуда... Из лесу, вестимо. Привет, бабка!

– Здравствуй, внучек.

Она обняла внука и поцеловала. Маша отошла от двери.

Все это время Джина вела себя очень странно. Едва вошел мальчик, она

обнюхала его и отошла, не стала к нему ластиться. Мальчик поставил авоську на пол и позвал ее:

- Джина! Ко мне!

Джина глухо заворчала и ушла на кухню.

- Видишь, помнит, как ты в прошлом году ей хвост подпалил.

- Да ну, бабка! Глупый был. Ничего, мы с ней разберемся.

- Не смей ее трогать, понял!

- Да понял я, понял. На, держи, это тебе, – он протянул ей авоську.

- Что это?

- Грибы сушеные, еще с осени остались.

- Вот спасибо! Вот угодил, так угодил! Ну, проходи, проходи в комнату.

Наверное, голоден?

- Как волк!

12. В комнате.

- А ты один приехал? А родители где?

- Ну, где им еще быть? В деревне остались. А я на электричку и сюда. На несколько дней. Не возражаешь?

- Да нет. Только родители-то в курсе, я не поняла?

- Ой, да им до меня и дела нет.

- То есть как это – дела нет?

- Бабка, оставь все эти страсти – ах, родители, ах, они не знают, ах, они беспокоятся! Пока они там очухаются, я уже домой вернусь.

Бабушка сникла и села на диван.

- Что, все пьют?

- И не просыхают.

Бабушка закрыла глаза и сказала:

- Капли дай. На старом месте.

Когда он накапал ей лекарство, она выпила его, вздохнула и сказала:

- Ну что ж, оставайся.

13. Комната Наташи.

Мария пеленала младенца, когда в комнату пулей влетела Наташа и захлопнула за собой дверь.

- Ты чего? – удивилась Маша.

- Когда ж это кончится?

- Что?

- Да сука эта опять выскочила... Тварь паршивая! Ой, здравствуй, сестренка!

Они поцеловались.

- Кормила?

- Да. Аппетит у него – будь здоров! – она показала пустую бутылочку.

Наташа взяла на руки ребенка и гордо оглядела свое чадо.

- Ну, как тебе племянник?

- Слушай, а тебе не кажется, что он на папу нашего похож?

- Да ну! На папу! Он в своего отца. Отца-подлеца. Ну, ладно. Рассказывай.

Как тебе Москва? Ты ведь давно здесь не была?

– Давно. Слушай, а у вас тут в метро дети маленькие ходят, денег просят. Ведь это ужас какой-то!

– Да, это будет у тебя перед глазами каждый день. Привыкай. Этих детей бездомных здесь как собак нерезаных.

– Вроде как мы у себя там и беднее живем, а такого нет у нас. Просто нет.

– Да что это они тебя так заботят? Да они, если хочешь знать, побольше нашего зарабатывают.

– Разве в заработке дело? Они же брошенные...

– Сказки они рассказывают, а ты и уши развесила.

14. Вечером в комнате у Наташи.

Вечером в комнате Наташи за накрытым столом сидели Галина Григорьевна, Мария, Шурка и Наташа. Наташа разливала по рюмкам водку. Шурка подставил стакан.

– Перебьешься, – сказала Наташа и налила себе. Бабка стукнула его по руке со стаканом.

– Ну, ты чего дерешься? У нас вон все пьют – и ничего. А вам жалко, что ли?

– Мал еще, – сказала Наташа. – На вот, пей.

И она налила ему напиток из бутылки с изображенным на ней Буратино.

Наташа подняла стаканчик с водкой.

– Ну, за твой приезд, сестренка! Чтоб все у тебя здесь сладилось.

– За тебя, Машенька, – чокнулась бабушка и выпила.

Шурка махнул стаканом и опрокинул его прямо в рот. Затем заправски крякнул и занюхал рукавом рубашки.

– В школе-то учишься? – спросила Маша.

– В шестой перешел. Только чего я в этой школе не видал? Учителя все козлы и педики.

Маша поперхнулась огурцом, Наташа в удивлении воззрилась на Шурку, а бабушка влепила ему подзатыльник.

– Кто тебя этому учит? – с гневом спросила она.

Он отвел ее руку.

– А чего меня учить? Я сам все вижу. Думаешь, им до нас дело есть? Им самим жрать нечего. Чего это они ради нас будут жилы рвать?

– Нет, но ведь они же вас учат чему-то, – сказала Маша.

– Учат. Все про наше счастливое детство твердят. Потому что так в книжках написано. А где оно, это счастливое детство? Они же сами во все это не верят.

– Уймись ты, болтун, – осадил его Наташа. – Они, может, хотят, чтобы вы в будущее верили.

– А это-то зачем? Мы в своем будущем и так уверены, – удивился Шурка.

– Дубина ты стоеросовая, – обругала его бабушка.

– Боже мой, у меня же Андрейка в этом году в школу пойдет...

– Да не слушай ты его, – сказала Наташа. – Озлобленный он какой-то. Давайте лучше выпьем. За детей.

И первая подняла стакан.

15. Встреча с собаками. Утро. Перед домом.

На другой день, выбежав из дома, Андрейка сразу заметил сидящую в

ожидании собаку. Но на этот раз она была не одна. Рядом устроилась грязная болонка. Андрейка поздоровался с маленьким колли – тот подал ему лапу. А лапу болонки пришлось тряхнуть самому – она еще не умела здороваться.

– Ну, здравствуй! И ты, здравствуй!

В сопровождении собак отправился он к столовой, в которой работала мать до отъезда.

16. Столовая.

Повариха встретила его радушно:

– Это кто к нам пришел? Как живешь, Андрейка?

– Хорошо живу. С толком.

– Ого! С толком! Хорошее дело! Мать-то уехала?

– Уехала.

– Есть хочешь?

– Да.

– На вот, поешь гарнира. Со вчерашнего дня осталось.

– А у меня теперь друзья есть, – похвастался Андрейка, наворачивая гречку.

– Друзья? Хорошее дело, – продолжая что-то помешивать, сказала она.

В это время женщина, стоявшая на раздаче, обернулась и крикнула:

– Вера! Народ жалуется – говорят, котлеты подгорели.

– И так сожрут, – зычно крикнула тетя Вера и отставила большую кастрюлю на край плиты.

– Тетя Вера, – закончив есть, сказал Андрейка. – А можно, я у вас костей наберу?

– Э-э, брат, больно ты шустрый. Костей... Они, вишь, денег стоят. У меня их по сто рублей за ведро берут. Постой, а тебе-то зачем?

– Это не мне. Это для друзей.

– Ну и друзья у тебя! Это вот эти вот, что ли? – взглянув в окно, спросила она.

– Они.

– Ну, нашел друзей! Ох, и грязные они у тебя! Ну, на вот, ладно, отдай по одной.

И сама захохотала, удивившись своей неожиданной доброте.

– Спасибо, тетя Вера! – радостно закричал Андрейка и даже обнял ее, прямо так, с зажатыми в руках костями.

– Ну, беги, беги. Вишь!

17. Перед столовой.

На улице он отдал кости собакам. Те схватили их и унесли с тротуара, где сновали люди, в подворотню и принялись самозабвенно грызть.

По улице шел мальчик чуть постарше Андрейки с удочкой на плече. В левой руке он нес кукан с нанизанной рыбой. За ним степенно трусил большой ирландский сеттер.

– Э-эй, мальчик, – окликнул его Андрейка. Тот остановился.

– Ну?

– А твоя собака рыбу ест?

– Еще как!

- А ты сам наловил?
- А то кто же?
- А меня научишь?
- А удочка у тебя есть?
- Нет. Удочки нет.

- Ладно. Я свою возьму. Накопаешь червей, а утром здесь встретимся. В пять часов.

- Так рано?

- Да это еще поздно! Смотри, не опоздай - я ждать не буду! Ну, пока. А то меня мама ждет.

- Пока.

Мальчик с собакой отправились дальше, а Андрейка махнул рукой своим:

- Пошли.

Те схватили кости и двинулись за ним. По дороге Андрейка поднял пустую консервную банку.

18. В палисаднике возле дома.

В палисаднике возле своего дома он начал ковырять в земле щепкой.

- Ну! Помогайте! - сказал он собакам.

Маленький колли подошел, начал рыть землю лапами. Болонка тоже подошла, но прилегла рядом, продолжая глотать косточку.

- Вот! - торжествующе вскричал Андрейка, указывая на появившегося в земле жирного червяка. «Землекоп» брезгливо сморщил нос и отвернулся.

19. Первая рыбалка. Квартира. Раннее утро.

Утром следующего дня Андрейка проснулся от трезвона будильника. Было четыре тридцать. Дед поднял голову:

- Ты что не спишь?

- Мне надо, дед.

- Куда ты ни свет ни заря, постреленок?

- Я, дед, на рыбалку иду, - лихорадочно одеваясь, сообщил мальчик.

- На рыбалку? Иди, - уронил голову на подушку дед. Потом спохватился. - А удочка?

- Мне принесут!

Схватив на кухне краюху хлеба, Андрейка выбежал на улицу, прихватив по пути банку с червями.

20. Встреча с собаками. Перед домом.

На улице, несмотря на ранний час, его ждали - на этот раз уже пять собак. К болонке и колли прибавились овчарка и две дворняги. При его появлении они вскочили и выжидающе посмотрели на него. Андрейка даже немного растерялся.

- Ого, - выдохнул он.

Вначале почему-то подошел к овчарке и протянул руку. Она подала лапу. По очереди он поздоровался со всеми, затем разломил краюху на куски, раздал им. Знакомство состоялось, и Андрейка быстро пошел к назначенному месту. Собаки бежали рядом.

21. Встреча с мальчиком у столовой.

У столовой уже стоял мальчик с собакой. В руке он держал две удочки. Увидев Андрейкино сопровождение, мальчик удивился:

- Это все твои, что ли?
- Мои.
- Здорово! А как их зовут?
- Зовут? Никак.

22. На улицах городка.

Они уже шли по направлению к реке. Сеттер спокойно шествовал рядом с другими собаками.

- То есть как это? Так не бывает. Всегда есть имя. Вот я, например, Пашка, а это - Джек. А тебя как зовут?

- Я Андрейка.
 - А собак?
 - Сейчас придумаем. Этот, - он указал на колли, - пусть будет Буратино.
 - А почему Буратино?
 - Похож потому что.
 - А остальные?
 - Эта, - он указал на болонку, - Белочка.
 - Этот, - он указал на овчарку и задумался.
 - Джульбарс! - подсказал Пашка.
 - Да, Джульбарс. А это Дружок и Шарик.
 - погоди, - Пашка наклонился и осмотрел Дружка. - Это не Дружок, а подружка. Лучше пусть будет Машкой.
 - Нет, Машкой нельзя. Машей мою маму зовут. Пусть лучше будет Жучкой.
- Они подошли к берегу реки.

23. Берег реки.

- Только здесь надо тихо разговаривать. А то всю рыбу распугаем. На. Держи, - Паша протянул Андрейке удочку.

- А что надо делать?
- Давай-ка своих червей. Вот смотри. Червяка на крючок. Потом поплевал и закидывай.
- А плевать за чем?
- На удачу.

Они забросили удочки. Сеттер лениво лег на берегу, а остальные собаки с напряженным вниманием следили за поплавками. Вскоре у Пашки поплавок дернуло и повело в сторону.

- Во! Смотри, что сейчас будет.

Он ловко подвел рыбу к берегу, а затем так же ловко подсек ее и вытащил небольшого карася.

- Почин есть.

Сеттер подбежал к Пашке, и тот дал ему рыбу. Другие собаки с явной завистью посмотрели на него, а затем повернули головы к Андрейке.

– Сейчас, – не очень уверенно сказал Андрейка.

Спустя некоторое время, когда солнце уже поднялось достаточно высоко, на кукане у Пашки оказались нанизаны шесть небольших рыбок, а Андрейка безнадежно смотрел на свою удочку. Собаки были явно огорчены.

– Ну, пора закругляться, – сказал Пашка. – Ничего. Первый блин всегда комом. На вот, – протянул он кукан. – Дай им.

– Не нужно. Мне надо самому их накормить, – тихо сказал Андрейка.

– Ну, давай так. Сегодня мы их вместе покормим. А завтра у тебя дело пойдет, ладно?

– Ладно, – нехотя согласился Андрейка.

Собаки расхватали рыбок.

– Ничего, – сказал им Андрейка. – Завтра я вам столько рыбы наловлю!.. Еще и останется.

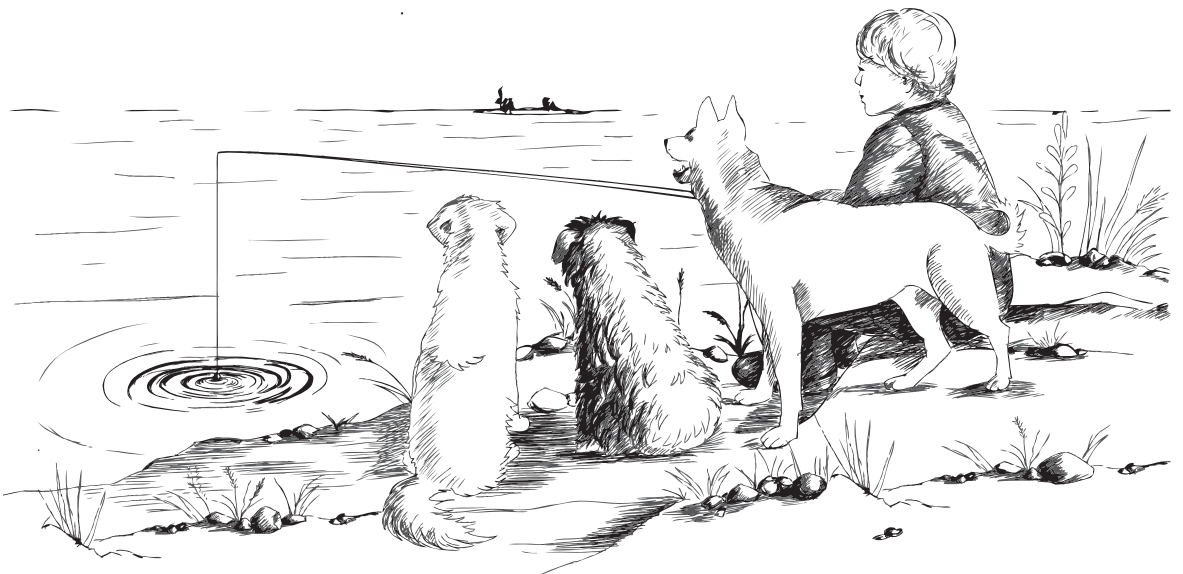
24. Москва. Утро. Прогулка Наташи и Марии с ребенком.

Наташа с сестрой рано утром гуляли во дворе, катя перед собой коляску с ребенком.

– Да, – вспомнила Наташа. – Забыла тебе вчера сказать – насчет работы я уже договорилась. В начале следующей недели, в понедельник, к одиннадцати быть на месте и приступить к своим обязанностям. По специальности. Кафе небольшое, но симпатичное.

– Далеко?

– Минут сорок отсюда на метро. По московским меркам нормально.

- Нормально, - кивнула Маша.
- Сначала поваром, ну а со временем перетащу тебя к нам в ресторан официанткой. Правда, будем с тобой в разные смены работать. Так за ребенком следить легче.

- Конечно, Наташ. Будут у него две мамы.
- У ребят наших мамы две, а отца ни одного.

Они помолчали.

- Слушай, Наташ, а чего ты в этой квартире-то поселилась, с этой собакой ненормальной? Неужели лучшего ничего себе не нашла?

- Эх, Машка, да стала бы я тут селиться, если б могла что-нибудь попримличнее найти? Просто москвичи с ребенком постояльцев не берут. И тут хоть тресни - нет и все! Как ни крути, а для меня ребенок - обуза тяжкая.

- Главное, что он у тебя есть.

Наташа вздохнула и ничего не ответила.

- А здесь как устроилась?

- А здесь бабка сама рада любого взять. К ней-то из-за этой самой псины никто и не суется. Вот она меня и взяла на безрыбье. Да я ведь ей еще и за ребенка приплачиваю. За уход, прогулки там, кормежку... Дорого получается, да уж куда денешься?

Опять возникла небольшая пауза.

- А что ж она ее кормилицей называет? Чтоб такую псину прокормить... На нее-то, наверное, все деньги и уходят?

- Все верно. Только ведь она чистопородная, два раза в год щенят приносит. А они больших денег стоят. Бабка их продает. С того и богатеет.

- Щенят продает? - удивилась Маша и даже остановилась.

- Ну да. А чему ты удивляешься? Хорошее дело.

- Да нет. Наверное, хорошее. Может, пойдем уже? Ты же говорила, что тебе к десяти на работу.

- Успею. Хотя, пожалуй, ты права. Еще покормить надо.

Они направились к дому. Неожиданно Наташа толкнула в бок сестру.

- Гляди!

Наискосок от них, за торцом дома появился Шурка с огромной сумкой, набитой пустыми бутылками. Он появился в пространстве между домами и исчез за ними.

- Во куркуль, а? - засмеялась Наташа.

- Без дела не сидит, зарабатывает, - рассудила Мария.

- Это, что ли, дело - бутылки собирать? Скоро он и попрошайничать начнет.

- Да ну, скажешь тоже.

- Да такой за копейку удавится.

25. На лестнице.

Маша несла ребенка, а Наташа коляску. Перед дверью в квартиру Наташа поставила ее на бетонный пол.

- погоди, посмотрю - здесь она?

Она открыла дверь, заглянула внутрь, затем махнула сестре рукой:

– Проходи!

Маша занесла ребенка в комнату и, пока Наташа готовилась кормить его грудью, выскочила в коридор.

26. В коридоре.

Подойдя к двери кухни, за которой заскреблась Джина, она приоткрыла дверь. Джина немедленно высунула голову, пытаясь проскочить в коридор. Но Маша только осторожно погладила ее по голове и сказала:

– Бедненькая ты собака.

После чего протолкнула эту голову внутрь кухни и захлопнула дверь.

27. У столовой.

У столовой ребята попрощались.

– Удочку пока оставь у себя. Как рыбу ловить, ты уже знаешь. А я каждое утро на том же месте. Пока.

Пашка ушел. Андрейка тронулся было по направлению к своему дому, но собаки неожиданно сели, хотя Андрейка звал их за собой.

– Ну, пошли, чего встали?

Овчарка повернулась и пошла в подворотню. За ней потянулись все остальные собаки. Буратино оглянулся на Андрейку, как будто приглашая его за собой, и тот, поколебавшись, двинулся за ним.

28. Заброшенное строительство.

Вскоре они привели его к заброшенной стройке, где навалом лежали большие бетонные блоки. Возле щели, которую образовали два блока, сновала взад и вперед такая же овчарка, как и знакомый нам Джульбарс. Она просовывала лапу в щель, взвизгивала и волновалась. Из щели доносилось тонкое щенячье повизгивание. Собаки обступили встревоженную мать. Они были явно взволнованы. Андрейка растолкал их, разглядел внизу небольшого щенка. Он просунул в расселину свою детскую руку, с трудом ухватил кутенка и, наконец, вытянул его наружу. Мать схватила щенка зубами, виляя хвостом то ли от радости, то ли из благодарности, и нырнула с ним в небольшую дыру между блоками. Все собаки завиляли хвостами, а Буратино вскочил на задние лапы и облизал Андрейку. Затем они по очереди стали исчезать в дыре.

29. В норе.

Буратино оглянулся на Андрейку, и тот пополз вслед за ними, оставив удочку снаружи. Внутри оказалось довольно удобное большое пространство, образованное стоящими вплотную друг к другу блоками, поверх которых были навалены доски. В щели между ними проникал солнечный свет. Здесь хватало места всем. В углу уже лежала овчарка, к которой прилипли четверо щенков. Она вылизывала их, дотягиваясь розовым языком до каждого. Один из щенков, переползая через другого, скатился вниз.

– Куда ты? А ну-ка...

Андрейка подхватил его и приложил к соску матери. Мать снова облизала сына, а затем благодарно лизнула и Андрейкину руку. Он погладил собаку по спине и прижался щекой к ее шее.

30. Первая встреча с незнакомцем. Улица.

Андрейка, окруженный собаками, шел по улице с удочкой. К нему обратился парень лет двадцати в кожаной куртке, с сигаретой в руке.

- Привет, пацан!

- Привет, - настороженно ответил Андрейка и остановился, понимая, что парень хочет поговорить. Собаки тоже остановились и уставились на незнакомца.

- Будем знакомы! Степан!

- Андрейка! - пожал он протянутую руку.

- Куришь? - спросил парень, подавая ему сигарету. Андрейка отрицательно замотал головой.

- Зря. Я в твои годы уже дымил без счета.

Андрейка молчал, не понимая, что нужно этому парню.

- Твои собаки? - тот, наконец, приступил к сути дела.

- Мои.

- А чем кормишь?

- Рыбу ловлю.

- Ха! Рыбу! Да они у тебя при таком рационе скоро светиться будут.

- Почему светиться?

- В рыбе фосфор, а он светится. Это я к тому, что собакам твоим нормальная еда нужна, а не эта рыба.

- А где же ее взять, нормальную еду?

- Во! Усекаешь! Для нормальной еды деньги нужны.

- У меня денег нет.

- Могу помочь.

- Как?

- А так. Хочешь - будем твоих собак в Москву возить? Там в переходах собакам просто так деньги кидают. Из жалости.

- В Москву?...

- Ну! В Москве-то бывал?

- Нет. Но там моя мама.

- Ну, маме про эти дела знать не обязательно. Просто можно с утра в Москву, а вечером обратно. Кучу денег получишь.

- Мне не надо кучу. Мне надо, чтобы только их накормить.

- Ну не надо - так не надо. Ну, так что - едем?

- У меня дед.

- Да что дед! Ты что ему - нянька, что ли? Зато собаки сыты будут. Я все устрою. Ну?

Андрейка наклонил голову в раздумье, но затем отрицательно замотал ею и пошел вперед.

- Зря, - крикнул ему вслед парень. - Выгодную возможность теряешь.

И еще раз повторил разочарованно:

- Зря.

31. У дома.

У дома Андрейка повернулся к собакам и сказал:

- Я домой пошел. До завтра.

Собаки присели, понаблюдали, как он поднимается по лестнице к двери подъезда, затем, как по команде, повернулись и пошли по своим делам.

32. На площадке перед входом в подъезд.

На площадке у подъезда лежал и грелся на солнышке кот, которого Андрейка попытался погладить. Но кот вместо того, чтобы заурчать и потереться об Андрейкину штанину, вдруг вздыбил шерсть и завыл, точно так же, как он это сделал в прошлый раз в день знакомства с Буратино.

– Чего ты?

Но кот продолжал выть, глядя на Андрейку, и даже шагнул назад.

– Дурной какой-то, – сделал вывод Андрейка и вошел в подъезд.

33. Квартира.

Дверь квартиры открыл встревоженный дед.

– Где ж ты бродишь, сукин ты сын?

– Дед, а мне удочку дали! Вот! – Андрейка показал деду удочку, пытаясь уклониться от ответа.

– Ну и где ж твоя рыба?

– Рыба... Плавает пока.

– Постой, постой, а чем это от тебя пахнет?

– Чем?

– Да от тебя ж псиной воняет! А ну марш мыться!

Андрейка кинулся в ванную. Дед встал в дверях.

– Слушай, а это ты весь хлеб съел? И вчера тоже?

– Я, – умываясь, ответил Андрейка.

– Ну-у? А я думал, может, мыши завелись. Видно, растешь.

– Расту, дедушка, – вытираясь полотенцем, проговорил Андрейка.

34. Комната Наташи.

Мария спала в кресле перед коляской, в которой лежал ребенок. Ребенок закричал, потом тонко заплакал. Маша не просыпалась. Привлеченный плачем, в комнату заглянул Шурка.

– Эй, – сказал он. – Ребенка кормить надо.

Поскольку Маша не реагировала, Шурка покачал головой, взял на руки малыша и вышел с ним в коридор.

35. Коридор.

Здесь Джина попыталась дотянуться до ребенка, чтобы облизать его, что при ее росте было несложно. Шурка осадил ее:

– Лежать!

Джина нехотя легла. Шурка пристроил ребенка к ее животу и приказал:

– Стереги его! Я сейчас.

Затем он прошел на кухню, из которой доносились звуки бравурного марша.

36. На кухне.

На кухне Шурка открыл холодильник, вытащил из него бутылочку с молоком, вставил ее в стоящий на столе специальный агрегат и включил его.

37. Комната Наташи.

Внезапно Маша проснулась и первым делом обнаружила, что ребенка нет в коляске.

– Ой! Где же он?

Сначала она озиралась вокруг. Затем опустилась на колени и начала ползком обыскивать комнату, заглядывая под стол, под кровать и даже под стоящий в углу шкаф. В конце концов, она выскочила в коридор.

38. В коридоре.

Здесь на коврик у двери она обнаружила смиренно лежащую догину. Рядом с ней спокойно спал Ваня. Маша, обмирая от страха, осторожно подошла к собаке и попыталась взять ребенка. Но, едва она протянула руки, собака негромко зарычала. Маша отшатнулась и принялась возмущенно стыдить ее:

– Это что ж такое? Верни ребенка. Слышишь?

Но, поскольку собака оставалась в той же позе, Маша опустилась на колени и сказала уже просящим тоном:

– Отдай его. Это ж тебе не щенок какой-нибудь. Слышишь, отдай.

Собака вдруг заскучала, отвернула голову и положила ее на передние лапы. Маша легко схватила ребенка. Едва она поднялась, из дверей кухни с бутылочкой в руке показался Шурка. Увидев Машу, он несколько смешался.

– Ты! – сказала она. – Это ты ребенка взял, а?

– Да он плакал, а ты не слышала.

– Разбудил бы. И зачем его собаке оставил? Это ж тебе не щенок!

– Я только на минутку отошел, а ей стеречь приказал.

– Да как ты мог? А если бы она его покусала?

– Да ну! Собаки детей не трогают – это точно! Джина его, наоборот, охраняла.

– Балда ты! Настоящий балда! Теперь ребенка срочно купать надо.

– Да она чистая!

– Чистая? А ты? Думаешь, я не видела, как ты с грязными бутылками носишься?

– Да я руки мыл. Честное слово!

– Помолчал бы уж.

И она скрылась с ребенком в ванной комнате. Шурка так и остался стоять у дверей кухни. Затем повернулся, поставил бутылочку на кухонный стол, вновь вышел в коридор. Маша выносила уже выкупанного ребенка, когда Шурка с обидой сказал:

– Только ты меня этими бутылками не попрекай. Мне что – нравится утром рано вскакивать и искать их повсюду? С бомжами из-за каждой бутылки лаяться? Только что поделать, если в Москве деньги на улице валяются? Я ж эти деньги домой везу. Просто жить-то надо...

После чего развернулся и ушел в свою комнату. Маша посмотрела ему вслед, постояла, затем медленно пошла к себе.

39. Вторая рыбалка. Утро.

Андрейка держал удилище, дрожавшее от напряжения.

– Клюет! – закричал он.

– Держи, держи! – крикнул Пашка и кинулся к нему на помощь. Он схватил удилище, подтащил рыбу к берегу и выволок полуторакилограммовую щуку, которая билась о землю и широко разевала зубастую пасть.

– Ну и везет тебе! Я такую щуку в первый раз вижу!

Собаки вскочили в ожидании.

– Вы подождите еще, – просительно сказал Андрейка. – Можно, я ее деду отнесу?

Собаки снова улеглись.

Вскоре дело у него пошло, и он вытягивал рыбок одну за другой.

– Смотри, – сказал Пашка и забросил в воду небольшую палку.

Сеттер мгновенно ринулся в реку и, схватив палку, пришпльз вместе с нею.

– А теперь твои.

Андрейка неуверенно посмотрел на собак, взял палку и бросил ее. Его четвероногие друзья кинулись в реку и поплыли к палке. Только болонка поначалу бегала вдоль берега и громко лаяла. Затем, решившись, вошла в воду и тоже поплыла вслед за остальными. К палке первыми успели Буратино и Джульбарс. Они ухватились за нее с разных концов и доставили Андрейке. Белочка плыла с видимым усилием. Андрейка вбежал в воду, чтобы помочь ей, подхватил на руки и вынес на берег. После купания она стала явно чище. Собаки выбрались на берег и принялись отряхиваться, забрызгав и Пашку, и промокшего Андрейку.

– Нет, давай лучше на берегу, – сказал он.

Мальчишки стали бросать палку, а собаки бегали взад и вперед. Но когда Андрейка бросил ее в сторону березы, она ударилась о ствол и, падая, застряла между ветвей. Собаки беспомощно сновали под деревом. Но тут отличился Джульбарс. Дерево росло под углом к земле, а не прямо вверх. Он вскочил на наклонный ствол и пополз вверх, цепляясь когтями за кору. Схватив палку и тем же путем вернувшись вниз, он подбежал к Андрейке. Буратино обескураженно поглядел вслед Джульбарсу, поднял лапу и оставил отметку на дереве. Пашка с Андрейкой захохотали и повалились в траву.

40. Встреча с незнакомцем. Улица.

Андрейка тащил щуку, цеплявшуюся хвостом за асфальт. Рядом степенно шли собаки. Недалеко от дома Андрейку остановил Степан:

– О! С уловом тебя!

– Спасибо, – ответил Андрейка и хотел пройти дальше.

– Ну что, надумал чего?

– Не могу я, – сказал Андрейка.

– Ну, тогда продай собак. А я уж найду, с кем они там стоят будут.

– Не. Они не продаются.

Он опять хотел пройти дальше, но Степан остановил его:

– Ну, тогда сдай в аренду.

– Как это?

– А так. Я собак в Москву отвезу. А ты просто будешь за них деньги получать.

– Нет, – твердо ответил Андрейка и пошел к дому.

Степан пошел рядом.

– Ну чего ты артачишься, не пойму. Ты ж вон и в Москве не был, а туда же – не поеду! Там денег куры не клюют, а ты здесь собак рыбой кормить будешь.

Андрейка остановился.

– Для них же заработаешь, – продолжал подначивать Степан.

– А если меня мама увидит? – засомневался Андрейка.

– Да откуда она там тебя увидит, – захохотал Степан. – Это ж огромный город. Там хоть год по улицам гуляй – знакомого не встретишь, не то что родную мать.

– Правда?

– Да кого хочешь спроси!

– Н-ну, ладно, – нерешительно сказал Андрейка. – А сто рублей там получить можно?

– Сто! Сказал тоже! Там и больше получишь.

– А когда надо ехать?

– В восемь утра будь на станции. Билет я куплю. Ну, пока, вожак.

И Степан, очевидно, опасаясь, что Андрейка изменит свое решение, покинул место встречи.

– Пока, – сказал Андрейка и поглядел вслед удаляющемуся быстрым шагом парню. Затем повернулся к собакам и сказал:

– Утром быть здесь. Ладно?

41. Дома.

Дед, увидев Андрейкин улов, запричитал:

– Кормилец ты наш! Как же ты такую зверюгу поймал?

– А мне друг помогал.

– Щучка-то молодая. Ухи наварим. Картошка есть. Эх, если бы еще и водочки! Ну ладно, руки мой, кормилец, обедать будем.

За столом Андрейка вертел в руках очищенную картофелину.

– Дед, я завтра поздно приду, ладно?

– Как это «поздно»?

– Ну, вечером.

Дед помрачнел и отложил вилку.

– Опять со своими псами?

– Да, – пряча глаза, сказал Андрейка.

– И охота тебе с ними возиться?

– Охота, – тихо сказал Андрейка. – Они мои друзья.

42. Комната Наташи. Ужин с креветками.

Маша сидела за накрытым столом в ожидании ужина. Мальш спал в своей коляске. В это время отворилась створка комнатной двери. В проеме вполоборота стояла Наташа, держа в руках что-то, скрытое за второй створкой.

– А теперь сюрприз, – сказала она. – Але-оп!

И внесла в комнату блюдо, на котором горкой лежали креветки.

– Ой, что это? – спросила Маша.

Наташа поставила блюдо на стол.

- Креветки. Деликатес морской.
- Деликате-е-ес, - протянула Маша. Затем спросила:
- Наташ, а мы что, одни будем это есть? Может, и их пригласим?
- Ты что? Ну, вчера повеселились, хватит. Они теперь сами по себе, мы сами по себе. Привыкай.
- Ну, ты ж говоришь, деликатес...
- Ой, да ну приглашай, если хочешь. Только бабка с собакой гуляет, да и не любит она этого. А Шурку... Ну, позови этого... охламона.

43. Кухня.

Маша выскочила в коридор и забежала в кухню, откуда доносился стук молотка. На полу сидел Шурка и приколачивал к табурету ножку. Увидев Машу, он кивнул ей и сказал:

- Смотри. Бабка утром с него чуть не свалилась. Старье.
- Да он ветхий совсем. Может, ей лучше новый купить?
- Как же, купит она, сквальга старая.
- Да ну что ты опять ругаешься! Она ж тебе не чужая.
- Сквальга и есть. Денег у нее - завались, только ей на собаку легче потратить, чем на себя.
- Да-а, тебя, видать, не переделаешь. Слушай, я вот зачем зашла. Давай к нам. Наташа деликатес принесла. Креветки. Пошли?
- А... Слышал. Ребята говорили - ерунда на постном масле.
- Нет, ну пойдем. Я сама их ни разу не ела.
- Ладно, - поставил он на место табурет. - Я только руки помою.

44. За столом в комнате Наташи.

За столом сидели Наташа, Маша и Шурка. Маша пыталась подцепить вилкой креветку.

- Руками, руками, - остановила ее Наташа. - Ломай здесь и здесь. Она быстро очистила пару креветок и бросила в рот нежные кусочки.
- Вот так.
- Шурка повертел в руках креветку, попробовал.
- Ерунда все это, чертополох.
- Почему чертополох? - нахмурилась Наташа.
- Да у нас раки в реке мелкие - и то в пять раз больше, чем эти... креветки.
- Ерунда...
- Не хочешь - не ешь, а другим не мешай. Ну как, вкусно? - обратилась Наташа к сестре.
- Ничего, вкусно. Только что в них особенного? И правда ведь, раки у нас в реке в сто раз вкуснее.
- Ничего, привыкнешь, - махнула на нее рукой Наташа.
- Еда, она ведь разная бывает, - продолжила она. - У нас в ресторане никто раков не просит. Всем только креветки подавай. Или еще чего похлеще. Вот они у нас грудками и остаются.
- Зажрались все тут, вот и все, - резко отрубил Шурка. - По мне лучше котлету съесть или вон колбасу, чем эту дребедень. Белиберда все это, баловство.

С этими словами он положил на хлеб колбасу и откусил здоровенный кусок.

Наташа уничтожающе посмотрела на него, а Маша сказала:

- Нет, Шур, это ж еда все-таки.

- Еда! Смех один.

Теперь Наташа уже смотрела на Шурку зло и неприязненно.

- Много ты в этой еде понимаешь, обормот! Это ты там у вас в деревне на колбасе живи да на картошке. А здесь тебе не деревня. Здесь цивилизация, ясно?

- Ци-ви-ли-за-ция, - произнес он по слогам. - Кому цивилизация нужна, а кому еда. Вот это, что ли, ваша цивилизация? - он поднял креветку и повертел ее в воздухе. - Собачья радость.

Наташа внезапно успокоилась.

- Ну что с тебя возьмешь! Ешь свою колбасу, ладно. Лимонад вон пей. Может, еще подберешь от сладкого.

- Лимонад выпью. Только доброта нам ни к чему. Эта доброта ваша от дела отвлекает и до добра не доводит.

Маша удивленно всплеснула руками:

- Да как же так, Шурка?

А Наташа обхватила голову руками и, мотая головой, проговорила:

- Ой, дурак! Ну и дурак!

45. Станция.

В восемь утра Андрейка с собаками был на станции. Степан уже ждал его, держа в руках небольшую черную сумку.

- Привет! Сейчас поезд подойдет.

- А с собаками разве в поезд пускают?

- Все будет в порядке. Вот увидишь.

46. Электричка.

Подошла электричка. Андрейка взял на руки Белочку и вошел в вагон. Остальные собаки прыгали следом. Степан вошел последним. Устроились они возле дверей салона, у первого окна. Народ на них косился, а одна бабка недовольно спросила:

- Ты что, малец, собаками торгуешь?

- Я не торгую, - опешил Андрейка.

- А ты что думаешь, в Москве своих собак не хватает?

- Да ладно тебе, мать, - вступил в разговор Степан. - Мы собак на выставку возем, ясно? За медалями.

- Вот этих?

- Да они, может, там лучше всех будут. Ну-ка, могут твои собаки показать что-нибудь эдакое?

Андрейка соскочил с лавки.

- Буратино, служи!

Буратино встал на задние лапы и с помощью Андрейки сделал пируэт на месте.

- Джульбарс, дай лапу.

И Джульбарс послушно дал лапу.

- Да им только в цирке выступать, - подобрела бабка. Она даже подозвала к себе Белочку и дала ей кусочек колбасы.

- Как, малец, не продашь собачку? - спросила она.

- Они не продаются.

- Жаль. Ладная такая. Ее бы помыть и прям лучше не надо!

- Приготовить билеты! - разнеслось по вагону.

Когда контролеры подошли, Степан дал им прокомпостировать оба билета.

- Ваши? - спросил контролер, указывая на собак.

- Да. Вот, - Степан дал ему двадцать рублей. Контролер спокойно взял деньги и прошел дальше.

- Видал? - спросил Степан. - Я говорил, что все будет в порядке!

47. Собаки на перроне вокзала. Колбаса и новые запахи.

На перроне московского вокзала собаки были немного напуганы обилием людей. Они сгрудились в кучу. Андрейка тоже был немного ошеломлен.

- Вот тебе и Москва, - сказал Степан. - Пошли, здесь недалеко.

Но внимание собак уже было привлечено лотком на колесах, который был забит торчащими палками колбасы, свисающими гирляндами сосисок, жареными курами и прочей снедью. Продавец занервничал, заорал:

- А ну пошли отсюда! Эй, пацан, забирай свою свору, пока они чего не стибрили. А ну, живо!

Андрейка схватил Джульбарса за загривок и оттащил его.

- Пошли. Ничего тут интересного нет. Пошли.

Собаки нехотя тронулись за ним, оглядываясь на богатый лоток.

48. Москва. В переходе.

Степан привел всех в переход недалеко от вокзала. Здесь уже стояла девочка лет десяти, в джинсах и легкой куртке, игравшая на аккордеоне. Перед ней лежал раскрытый футляр, где валялись и бумажные деньги, и монеты. В конце перехода маячил милиционер, который сразу направился к ним. Степан сам пошел навстречу, расстегивая карман на груди. Они переговорили, милиционер кивнул и вернулся на свое место.

- Все в порядке. Сядешь здесь, - Степан кивнул на картонный ящик у стены.
- Сейчас все оборудуем.

Он вытащил из сумки большую жестяную банку и плакатик с надписью «Помогите животным на пропитание». Жестянку он поставил перед ящиком, а плакатик прикрепил скотчем к стене.

- Только все деньги в банке не оставляй. Как наберется немного бумажек - перекладывай в сумку. А сумку в коробке держи. Мелочь можешь не вытаскивать. Все понял?

- Все.

- Ну ладно, я пойду, у меня в Москве дел полно. В шесть вечера буду здесь. Жди.

- Э-э, а если у меня деньги отберут?

- Да кто на тебя с твоими собаками полезет? Что им, жить надоело? Ну все, пока. Удачи.

Андрейка кивнул. Не успел Степан отойти, как в банке звякнула первая монета.

– Спасибо, – крикнул Андрейка вдогонку уходящему дородному мужчине.

Рядом девочка что-то наигрывала на аккордеоне, поглядывая на Андрейку. Лоб ее и волосы перехватывала розовая ленточка.

Прямо напротив Андрейки на стене перехода висел оборванный плакат с изображением Капитолийской волчицы и Ромулом и Ремом под нею с надписью: «Приходите к нам. Мы вам поможем! Банк “Суперкредит”».

Мимо шли люди. Время от времени раздавалось звяканье, и Андрейка говорил: «Спасибо!» Иногда в воздухе шуршала бумажка, и в банку падала смятая десятка. Собаки изнывали от жары, тяжело дышали, разевая рты.

Маленькая девочка лет шести шла, держась за маму. В руке у нее было мороженое, которое она с удовольствием облизывала. Увидев собак, девочка замерла на секунду, так что матери пришлось подтащить ее к себе. Они уже отошли к лестнице, когда малышка сорвалась с места, подбежала к Белочке и положила перед ней мороженое. Мама в негодовании схватила дочку, шлепнула ее довольно ощутимо по попке и закричала:

– Вот дура! Ну что за дура ты у меня!

Девочка захныкала, мать потащила ее дальше. Андрейка поглядел им вслед...

Собаки (за исключением Джульбарса) сгрудились вокруг Белочки. Мороженое было уничтожено в секунду, но жажды не утолило. Они опять улеглись рядом

с Джульбарсом, который тяжело дышал, вывалив язык. Наблюдавшая за ними девочка-аккордеонистка взяла стоявшую рядом литровую бутылку с водой и подошла к Андрейке.

- Дай им, - протянула она воду.

- Спасибо, - вскочил Андрейка. - Только... А куда же налить?

Девочка на мгновение задумалась.

- А знаешь что - лей прямо на землю. Ничего с ними не будет. Лей!

Андрейка с сомнением оглядел грязный пол, затем махнул рукой и стал лить воду прямо перед собаками. Они жадно слизывали ее.

- Ой, а тебе не осталось, - опомнился он, когда бутылка была пуста.

- Это ничего, только почему ты их не кормишь?

- А чем?

- Да чем угодно. Деньги у тебя есть. Вон магазинчик - там колбасы можно купить дешевой. И хлеба.

Андрейка помедлил, затем решительно опустил руку в банку и вытащил оттуда несколько бумажек.

- Сидите здесь, - приказал он собакам.

- И воды не забудь, - крикнула она ему вслед.

Вышел он из магазинчика с кругом колбасы, батоном хлеба, бутылкой воды и глубокой пластмассовой тарелкой. Собаки издали почуяли запах и побежали к нему, виляя хвостами. Он оделил их всех кусочками колбасы, налил воды в тарелку. Бутылку с оставшейся водой отдал девочке.

- Да ты-то сам почему не пьешь?

- Сначала ты.

- Ну, спасибо. Я Светлана. А ты?

- Андрейка.

- А тебя что, родители заставляют здесь стоять?

- Нет. Просто их кормить надо, - кивнул он на собак.

- А, так это тебе этот парень предложил попрошайничать?

- Почему попрошайничать? Они же для собак деньги дают.

- Ты-то для собак стараешься, а он же для себя. Правда?

- А ты не попрошайничаешь?

- Нет. Я зарабатываю. И родители мои не против. А твои?

Андрейка не ответил и отвернулся. Девочка отошла и вновь стала наигрывать на аккордеоне.

Неожиданно Буратино сорвался с места и засеменял за настоящей шотландской овчаркой, пытаясь обнюхать ее на предмет установления половой принадлежности.

- Пошел отсюда, блохастый, - занервничала хозяйка овчарки, натягивая поводок.

- Буратино, - осадил друга Андрейка. Буратино остановился, поскущел и вернулся на место, всем видом показывая свое недовольство.

Девочка вновь подошла к Андрейке.

- А почему ты его назвал Буратино?

- Похож потому что.

- Она опустила свой инструмент на землю, присела рядом.
- А ты про Буратино читал?
 - Нет, просто у меня игрушка есть. То есть... была. А читать я пока не умею.
 - Жаль. А то бы я тебе книжку принесла.
 - А ты расскажи.
 - Рассказать? Ну нет, так неинтересно.
 - Мне дедушка говорил, что его папа был плотник и его из дерева сделал.
 - Да. Но он потом из дома убежал.
 - Убежал? А мама?
 - Какая мама?
 - А маму ему не жалко было бросить?
 - Ну, какая у него могла быть мама? Он же деревянный!
 - А-а... Ну да.
 - Но там все хорошо кончилось. И в школу он пошел. Так что собаки – это хорошо, а в школу ходить надо.
 - Я пойду. Это я пока только так. А осенью я пойду.
- Она поднялась.
- Ну, мне на занятия надо.
 - А какие сейчас занятия?
 - По музыке.
- Она уже укладывала в футляр аккордеон, когда он спросил:
- А у тебя собака есть?
 - Нет.
 - А хочешь, я тебе щеночка привезу? Будет как Джульбарс.
- Защелкнув замки, она подняла футляр с аккордеоном за ручку.
- Нет, – с сожалением сказала она. – Не получится. Мне родители не разрешат.
- И, видя, что он нахмурил брови, добавила:
- Нет, я собак люблю. Только их в квартире трудно держать.
- И добавила:
- Ну, до завтра.
- Он ответил:
- До завтра.

Андрейка остался один. Мимо шли люди. По-прежнему звякала мелочь и шуршали бумажки. Когда и Андрейка, и собаки уже изнывали от усталости, появился Степан. Он сделал приветственный жест.

- Ну как дела, вожак?
- Андрейка вытащил сумку и подал ее Степану. Тот раскрыл ее и заулыбался.
- Ого! Да здесь миллионы!
- Он вытащил оттуда стопку десятков – штук тридцать банкнот.
- Я немного потратил. На еду.
 - Ну, потратил и потратил. Бог с ним. Будем считать это производственными затратами. А ну-ка, брат, держи карман шире.
 - Чего?
 - Подставляй карман, говорю.

Андрейка оттопырил карман штанов, и Степан опрокинул туда банку. Звонким потоком монеты устремились вниз и застыли упругим тяжелым комком.

– С почином тебя, брат!

– Спасибо.

Андрейка был доволен.

– А теперь поехали. Поезд ждать не будет.

Собаки уже вскочили. Степан сунул банку и картонку с надписью в сумку, и они отправились на вокзал.

49. В вагоне.

В вагоне народ все так же косился на них, но Андрейка ехал счастливый. И собаки вроде повеселели и оживились.

50. На перроне.

Выйдя на перрон, Степан махнул рукой.

– Ну, до завтра. В восемь утра – как штык!

– Буду.

51. Столовая.

Первым делом Андрейка со всей ватагой отправился в столовую. В кухню он вошел один. Тетя Вера выгребала из котла остатки гречки, пересыпая ее в небольшую кастрюльку. Подняв глаза, она увидела Андрейку.

– О! Вечер добрый! С чем пожаловал?

– Здравствуйте, тетя Вера! Мне, пожалуйста, ведро костей.

И Андрейка высыпал перед нею горсть мелочи. Изумленная тетя Вера вытерла руки о передник, разворошила горку монет и сказала:

– Так, так. Никак нищенствовать начал?

– Да нет. Это им дали, – он мотнул головой в сторону окна. Она поглядела туда, поняла.

– Ну, чудеса прямо на свете, чудеса! Уже и собакам милостыню дают! На, забирай! – она выволокла из-под стола ведро с костями. – Погоди, пакет дам.

Она пересыпала кости в пакет.

– Иди, корми своих.

– Спасибо! – ликующе крикнул Андрейка и потащил пакет на улицу.

Тетя Вера поглядела ему вслед, взвесила на ладони монеты и покачала головой:

– Чудеса!

52. На улице.

Собаки бежали за ним, бросались на него, умоляя дать хотя бы косточку, но он быстро шел к заброшенной стройке.

53. В норе.

Он протацил пакет через узкий лаз и вывалил его содержимое в центре норы.

Собаки расхватили кости, но Андрейка отнял самую крупную у Джульбарса и преподнес ее кормящей матери. После чего сразу же заторопился домой.

- Ну ладно, мне домой пора. Чтоб завтра утром были на месте.

Он потрепал по шее Буратино, поцеловал в нос овчарку-мать и выбрался наружу.

54. В магазине.

По дороге домой Андрейка забежал в магазин. Подошел к продавщице:

- А сколько у вас стоит бутылка водки?

У продавщицы округлились глаза.

- Что-о?

- Маленькая... бутылка.

- Да хоть большая! Мы детей не обслуживаем.

- Мне для бабушки...

- Все. Иди отсюда, мальчик, иди.

Стоявший возле прилавка пьяненький человек в кепочке поднял палец и произнес, ни к кому не обращаясь:

- В жизни каждого русского человека наступает момент, когда он впервые узнает, что такое водка.

- Да лучше б ты ее и не знал! - упрекнула его продавщица.

- Не косчунствуй! Не трожь святое! Я ее, можно сказать, впитал с молоком матери, - вскинулся тот.

- Хоть бы мать свою не трогал, а?

Человек в кепочке опять поднял палец и замотал головой, пытаясь что-то возразить, но продавщица обреченно махнула на него рукой и, поскольку Андрейка стоял огорченный и не уходил, сказала ему:

- Возьми вон напиток «Буратино». Как раз и для тебя, и для твоего ненормального бабушки, который детей за водкой отправляет.

- «Буратино»? А он вкусный?

- Ну уж, слава Богу, не водка!

Андрейка высыпал на прилавок мелочь. Продавщица отсчитала немного, остальное с бутылкой подвинула к нему.

- На, забирай!

Андрейка кивнул и с гостинцем вышел на улицу. Пьяненький посмотрел ему вслед и развел руками:

- Потерянное поколение!

55. Квартира деда.

Дед встретил Андрейку в прихожей.

- Ну, где ж ты пропадаешь? Тебе скоро собаки эти семью заменят!

- Дед, смотри, что я купил! - по обыкновению пытаясь отвлечь внимание деда от щекотливого вопроса, закричал Андрейка и протянул ему пластиковую бутылку. Но маневр не удался. Дед взял бутылку, оглядел ее со всех сторон и удивленно спросил:

- Постой, постой... Как это - купил? Откуда у тебя деньги?

Андрейка понял, что попался. Он потянул носом воздух и закричал:

– Ой, ухой пахнет! Я руки помою!

Он побежал мыть руки. Но дед встал у двери в ванную.

– Нет, ты скажи сначала, откуда у тебя деньги? Ты что, их нашел?

– Нет, не нашел, – ответил Андрейка, выходя из ванной и вытирая руки полотенцем. – Их собакам дали.

– Как это – собакам? – удивился дед.

Но Андрейка побежал на кухню.

– Дед, я есть хочу! Давай твою уху!

Дед, удивленно покачивая головой, молча налил ему и себе по тарелке ухи, выставил хлеб, сел рядом.

– И все-таки, в жизнь не поверю, чтобы собакам просто так деньги давали. Ты ж и не врал никогда.

– Дед! Ну, мне их дали! Для собак.

– А ты их, значит, на себя потратил?

– А что, нельзя было?

Дед повертел бутылку в руках.

– Ну, если посчитать, что ты у нас за щенка сойдешь, значит, можно. Можешь пить, ладно, – добавил он и налил внуку в стакан напиток.

Андрейка, вовсю орудуя ложкой, кивнул головой.

– А ты?

– Я... Ну, мы ж с тобой как-никак родственники. Наливай!

56. Комната Наташи. Вечер. Наташа и Мария, Галина Григорьевна.

Поздно вечером Маша гладила детские простынки и пеленки, а Наташа на руках баюкала ребенка. В дверь постучали.

– Входите, – крикнула Маша. Наташа негодуя зашикала, указав глазами на засыпающего малыша. Мария осеклась и даже прикрыла рот рукой. Вошла бабушка.

– Вечер добрый, – поздоровалась она.

Сестры кивнули. Наташа уложила малыша в коляску. Галина Григорьевна прошла в глубь комнаты, присела в кресло, вздохнула и произнесла:

– Наташ, ты уж прости меня, старую, но тут такое дело...

Наташа остановилась посреди комнаты в предчувствии дурных вестей. Маша прекратила глажку и уставилась на Галину Григорьевну.

– В общем, уезжаю я. С Шуркой. Завтра утром к дочери еду.

– А как же мы, – ахнула Наташа.

– Да вы оставайтесь, живите. Только вот с ребенком как быть – не знаю. Обещала я тебе за ним присмотреть, да надо ехать...

Мария и Наташа молчали, глядя на нее.

– Но и ты пойми, – продолжала она. – У меня у самой дочь спасать надо. Вон Шурка собаками их зовет. Вконец озлобился. Не знаешь, кого и жалеть...

– Ладно, мать, поезжай, – угрюмо сказала Наташа. – Что-нибудь придумаем.

Галина Григорьевна привстала с кресла:

– Поеду, дочки. Да я ненадолго – на неделю. Только... – и она замаялась.

Маша с Натальей переглянулись.

- Что? - вырвалось у Маши.

- Да вот ведь незадача... С Джиной-то гулять надо. Утром и вечером. Возьметесь?

- Ой, нет! - замахала руками Наташа. - Нет, этого не проси. Накормить - накормим, а чтоб этакую псину выгуливать... Да я к ней и подойти боюсь!

Галина Григорьевна огорченно развела руками.

- Что же с ней делать-то? Не с собой же везти...

Маша отставила утюг, который все еще продолжала держать в руке, и сказала:

- Я... попробую. То есть... я буду с ней гулять.

- Вот хорошо, вот славно, - обрадовалась бабушка, сорвалась с кресла и уцепилась за Машину руку. - Вот спасибо. Она покладистая, добрая. Только с ней главное - не упустить, чтоб случайно с кем не спуталась. Вообще-то у нее сейчас течки нет, так что она кобеля и не подпустит. Но, тем не менее, держи ухо востро - чем черт не шутит. А то она готова с первым встречным связаться. Мерзавка! Тут глаз да глаз нужен.

Продолжая говорить, она пятилась к двери, стараясь побыстрее ретироваться и завершить неприятную беседу.

- Ну ладно, утром еще успеем попрощаться. Ты уж извини, Наташа, что так получилось...

- Что-нибудь придумаем, - опять повторила Наташа, а бабушка исчезла за дверью.

Наташа бессильно опустилась на диван. Маша продолжила глажку, встряхнув пеленку и расстелив ее на гладильной доске. Но потом отставила утюг, подошла к сестре, села рядом.

- Может, мне завтра на работу не выходить? - упавшим голосом предложила она.

- Да ну, - махнула рукой Наташа. - Не бери в голову.

Потом она вдруг опустила голову на руки. Маша прижалась к ней, обняла ее за плечи.

Наташа подняла голову, сказала горько:

- Я ведь при нем. А жизни своей нет. Не могу так больше.

- Что ты, Наташа, - отстранилась Маша. - Что ты, уймись, о чем ты говоришь? Какая сейчас своя жизнь? Тебе ж надо его на ноги поставить.

- А кому я потом нужна буду?

- Терпеть надо, терпеть.

- Терпеть? Ты вон не вытерпела, в Москву приехала, сына бросила!

Маша ахнула и вскочила. Голос ее задрожал.

- Да как ты можешь? Ты же сама меня сюда выгостила?!

Наташа поняла, что переборщила.

- Ну ладно, ладно! Конечно, я тебя выгостила. Так ведь я ж тоже тебя спасти хотела. Сама знаешь, от чего.

Маша плакала, закрыв лицо руками.

- Ну, прости! Ну, давай с тобой отцовской наливочки выпьем.

Она выгостила бутылку и две рюмки.

Маша всхлипнула и опрокинула рюмку. Затем сказала:

– Дура ты! Разве ж я ради себя стараюсь? Для него же...

– Ну, дура я, дура.

Ребенок заворочался, захныкал. Обе мамы подскочили к нему. Одна покачивала коляску, другая убаюкивала, что-то напевая.

Когда он успокоился, Маша подняла голову:

– Что же с ним делать?

Наташа подошла к столу, налила в рюмку вишневым напитком, посмотрела на свет, как играет вино в хрустале, и сказала еще раз:

– Что-нибудь придумаем.

И опрокинула в рот тягучую жидкость.

57. На перроне. Степан, Андрейка и собаки.

На перроне стояли Степан, Андрейка и собаки. Но среди них почему-то не было Буратино.

– Ну что, поедем без твоего Буратино? – спросил Степан.

Андрейка покачал головой.

– Нет. Если он не придет, значит, с ним что-то случилось. Тогда не поедем.

– Да поехали. Семеро одного не ждут.

Андрейка нахмурился.

– Нет.

В это время послышался резкий гудок электрички.

– Смотри, билеты пропадут. Поехали.

Но Андрейка упрямо покачал головой.

В ту же минуту в конце перрона показался бегущий Буратино, который кинулся на грудь Андрейке. Прагматичный Степан улыбнулся. Кажется, даже собаки обрадовались.

– Ну, где ты бродишь, а?! – воскликнул Андрейка и поцеловал Буратино в нос.

– Ну все, пошли, пошли, – стал подгонять их Степан, поскольку электричка уже гостеприимно распахнула двери.

И все поспешили в вагон.

58. Коридор. Отъезд Галины Григорьевны и Шурки.

Рано утром Галина Григорьевна в коридоре давала последние наставления Марии. Рядом стоял одетый в новую легкую курточку Шурка. Джина скреблась когтями в дверь кухни.

– Тут главное – в поводок вцепиться как следует. Если она твердую руку чувствует – будет смирной, как овечка. Понятно?

– Понятно, – уныло сказала Маша.

– Наталья-то спит?

– Да, она сегодня на работу не пойдет.

– Ну, пусть спит.

Затем она оглянулась на Шурку.

– Ну что, пойдём, попрощаемся?

Они прошли на кухню. Джина жалобно гавкнула несколько раз. Затем

бабушка с Шуркой вышли, затворив за собой дверь. Маша успела забежать в свою комнату и вынести оттуда небольшой целлофановый пакет с конфетами «Золотой ключик».

- На, - протянула она конфеты Шурке. - Возьми на дорогу.

- Не, - ответил он. - Я конфеты не ем. Принципиально. Чтоб не привыкать.

И повернулся к двери.

- Ну ты, принципиальный, - сказала она. - Бери, раз дают.

Она сунула пакетик в карман его куртки.

- Привыкай.

Он смешался, затем по-взрослому протянул руку:

- Спасибо.

Бабушка взяла в руки две тяжелые сумки. Шурка молча перехватил их у нее.

- Ну, с Богом! - она перекрестилась. - Будьте все здоровы.

- Счастливо, - улыбнулась Маша. - Удачи.

- Удачи, - отозвался Шурка, сгибаясь под тяжестью сумок. Галина Григорьевна открыла дверь. Шурка вышел на лестничную площадку, бабушка в последний момент повернулась, перекрестила дверь Наташиной комнаты, Машу, а напоследок и дверь в кухню, откуда не доносилось ни звука.

- Ну, с Богом, - еще раз сказала она и вышла.

Маша кивнула и закрыла за ней дверь. Затем подошла к кухне, прислушалась. Там по-прежнему было тихо.

59. Коридор. Лестница в подъезде.

Маша открыла дверь кухни. Джина вышла в коридор, вопросительно посмотрела на нее. Она наклонилась к ее шее, прикрепила поводок к ошейнику, затем заглянула в глаза:

- Ну, пойдём?

Джина поняла, бросилась к двери, нетерпеливо повизгивая.

Уже на лестнице собака так натянула поводок, что Маша чуть не упала, но продолжала обеими руками держаться за пластмассовую ручку. Тем не менее, она пулей пролетела два этажа и выскочила на улицу вслед за Джиной.

60. Улица.

Здесь Джина остановилась, напряженно принюхиваясь, и вдруг кинулась в сторону автобусной остановки, видневшейся впереди метрах в ста. Она так рванула, что Маша мешком свалилась на землю, но поводка не выпустила.

- Остановись, дура! - кричала она. - Они давно уехали!

Но Джина с воловьей силой тянула вперед. Наконец Маша не выдержала, отпустила поводок. Джина стремглав бросилась к остановке. Маша, чертыхаясь, поднялась, отряхнулась. Прохожие оглядывались на нее, а она, прихрамывая и чуть не плача, побежала за собакой. А та сновала взад и вперед у остановки, пугая собравшихся здесь людей. Маша подбежала к ней, перехватила поводок, потянула ее к дому, сгорая от стыда.

- Что ж ты делаешь, скотина, - со слезами в голосе говорила она. - Что ж ты делаешь, а?

– Что за наказание на мою голову, – все сокрушалась она, подходя к подъезду. Здесь она оглянулась и обнаружила, что рядом с Джиной крутится какая-то дворняга.

– Пошел вон, идиот! – завопила она страшным голосом так, что испугалась и Джина, а приبلудный кинулся улепетывать со всех ног. Маша опустила на скамейку, сжимая поводок. Джина отошла к дереву, а затем подбежала к ней. Маша сказала устало:

– Мне ж с тобой еще целую неделю мучиться! Будь же ты человеком, дура!

Джина села перед ней с виноватым видом. Маша протянула руку, погладила ее по голове и вдруг вскрикнула:

– Боже мой! Мне ж на работу!

И бросилась наверх.

61. Переход. Встреча с матерью.

Андрейка подливал собакам воду в пластмассовую плошку, когда показалась Светлана, которая еще издали жестом поприветствовала его. Андрейка помахал ей в ответ.

– Привет, – сказал он.

– Привет. А ты уже на посту?

Он кивнул. Она раскрыла футляр, вытащила аккордеон, пробежала пальцами по клавишам.

В это время Мария сбегала в переход, торопясь на противоположную сторону. Андрейка поднял голову и прямо напротив себя увидел спешащую куда-то мать. Она, не заметив его, уже прошла вперед, когда Андрейка выпрямился с бутылкой в руке и отчаянно крикнул вдогонку:

– Мама!

Маша будто споткнулась, медленно повернула голову и посмотрела на него. Затем она сделала несколько шагов навстречу.

– Андрейка, – растерянно произнесла она. – Это ты?

– Я, мама, – кинулся он ей на шею.

Она обнимала его как-то отрешенно, непонимающе. Отстранив его от себя, она спросила:

– А... что ты здесь делаешь? Как ты сюда попал? И что это за собаки?

– Я, – замялся он, – сам приехал. На электричке. Я вот для них деньги собираю.

На еду.

И, поскольку она ничего не понимала, он добавил упавшим голосом:

– Это мои друзья.

– Ты, – с ужасом спросила она, – ты попрошайничаешь?

– Нет, – испугался Андрейка. – Нет, нет. Это же им на пропитание.

Лицо у Марии задергалось, пошло пятнами.

– Я же ради тебя все бросила, – с надрывом сказала она. – Чтоб у тебя к школе все было, чтоб вы с дедом не голодали.

Она вскочила, с гневом тряхнула его за плечи:

– А ты чем занимаешься, а?

И наотмашь ударила сына по лицу. Андрейкина голова мотнулась в сторону, он вначале закрыл лицо руками, затем бросился бежать к выходу. Собаки

окружили Марию, возмущенно лая, оттеснили ее к стене с плакатом. Она даже не пыталась сопротивляться, ошеломленная происходящим, но собаки не стали наседать на нее, а бросились вдогонку за своим вожаком.

Светлана с удивлением молча наблюдала за разыгравшейся перед ней сценой.

62. На улице.

Андрейка выскочил из перехода и оказался перед оживленной трассой Садового кольца. Он стоял в замешательстве, когда позади послышался лай и показалась стая. Собаки окружили его, возбужденно лая и как будто пытаясь ободрить в трудную минуту. За ними выбежала и Мария. Увидев сына, она закричала:

- Андрейка!

Андрейка выскочил на мостовую и побежал через дорогу, невзирая на поток снующих вокруг него автомобилей. Собаки бросились за ним. Мать тоже побежала следом. Они уже почти пересекли улицу, когда случилось несчастье. У самой бровки тротуара черная «Волга» задела Буратино, и тот отлетел в сторону, издав последний предсмертный вскрик. Андрейка на негнущихся ногах подошел к нему, взял на руки бездыханное тело. Голова пса бессильно повисла. Собаки притихли, стоя рядом. Мария порывалась что-то сказать, но, понимая драматичность ситуации, молча наблюдала за сыном. Он побрел в сторону вокзала. Собаки бежали рядом. Мать пошла за ними, стала о чем-то долго и сбивчиво говорить, то дотрагиваясь до его плечика, то забегая вперед. За шумом машин и общей суетой ее голоса не было слышно.

63. У дверей вагона.

У дверей вагона Андрейка остановился, повернулся к матери и сказал:

- Мама, ты не беспокойся, я больше сюда не приеду.

После чего он повернулся и вошел в вагон. Собаки попрыгали следом, только Белочка немного замешкалась, но тоже смогла прыгнуть.

- Прости меня, - запоздало крикнула она ему в спину.

Он ничего не ответил и прошел дальше в салон.

64. Вагон.

Была середина дня, салон оказался полупустым. Андрейка присел на свое обычное место у дверей. Собаки тревожно жались к его ногам. Вошедший вслед за ним крупный мужчина с бутылкой пива в руках просипел:

- Куда ты с дохлым псом в общий вагон прешь?

Андрейка поднял голову.

- Он не дохлый. Он спит.

И отвернулся к окну.

Мужчина уже нахмурил брови и хотел что-то возразить, когда сидевший рядом с Андрейкой старик осадил его:

- Ты ж вроде шел себе? Ну и иди. Чего к мальцу пристаешь?

Мужик сначала набычился, а затем махнул рукой:

– А ну вас всех!

Сделав глоток из бутылки, он прошел дальше. Вагон качался, голова Буратино моталась из стороны в сторону, хотя Андрейка старался удерживать ее. Он не плакал, лишь иногда прижимался щекой к морде пса. Старик смотрел на него, и в какой-то момент протянул руку, сочувственно сжал худенькое плечико. Андрейка посмотрел на старика, опустил голову, затем вновь поднял ее и внезапно спросил:

– Дедушка, а это правда, что Бог всех простит?

Тот немного растерялся и замешкался, но ответил:

– Правда.

– И его?

– И его, – убежденно сказал старик.

Андрейка снова склонился над псом.

65. На станции.

Андрейка вышел на станции с Буратино на руках.

66. Поход через город.

Немного постояв, все они двинулись через весь город к кладбищу.

67. На кладбище.

Когда они, наконец, дошли до кладбища, Андрейка подошел к могиле отца и положил тело пса в ее изножье. Он огляделся и обнаружил возле соседней могилы обломанную старую лопату. Взяв лопату, он стал копать землю рядом с могилкой. Затем посмотрел на собак и сказал им:

– Это мы должны вместе сделать.

Джувльбарс первый понял, что от него требуется и начал рыть лапами землю. Жучка и Шарик присоединились к нему. А Белочка отказалась рыть могилу. Она подошла к Буратино и положила голову на его холодный бок. Вскоре могила была готова. Андрейка опустил на дно Буратино. Затем взял горсть земли и бросил вниз. После этого он стал осторожно сгребать землю, чтобы она медленно осыпалась в могилку.

– Вы тоже, – сказал он собакам.

Но Джувльбарс опустил на все четыре лапы и положил голову на землю. Жучка и Шарик продолжали неподвижно сидеть, а Белочка заскулила. Андрейка засыпал могилу, затем сел рядом прямо на землю и заплакал.

68. У дома. Стычка со Степаном.

Когда Андрейка с собаками уже подходил к своему дому, дорогу ему преградил разгневанный Степан.

– Ты чего это, щенок, рабочее место бросаешь, а?

Собаки, услышав угрожающие нотки в его голосе, оскалили зубы.

– Я туда больше ездить не буду, – сказал Андрейка и хотел пройти к дому. Но Степан схватил его за плечо и грубо тряхнул:

– То есть как это не будешь?

Такого отношения к вожаку собаки стерпеть не могли. Джульбарс, рыча, бросился на Степана и вцепился в куртку. Остальные стали хватать его за ноги.

- А-а-а! - заорал Степан и кинулся наутек.

- Ну, погоди, сучонок! Ты у меня еще попляшешь, - донеслось уже издали.

69. Квартира деда.

Дома Андрейку встретил полупьяный дед с ребенком на руках. Он совал малышу старую Андрейкину игрушку - Буратино.

- О! Смотри, кого нам Бог послал!

- Откуда он у тебя?

- Это внук мой родной, а тебе брат двоюродный.

Андрейка подскочил к нему:

- Это Ваня?

- Он, он. Ну, вылитый я, а? Ну скажи, разве не похож? Наша кровь - кровиночка!

Андрейка протянул руки:

- Дай мне его.

- Держи. Только осторожно. Не урони. Наталья приезжала, оставила вот. Говорит, здесь ему веселее будет.

Андрейка держал на руках брата. Ребенок сосал соску и смотрел на него широко раскрытыми глазами.

- Теперь заживем. Наталья денег привезла. Каждый месяц приезжать обещала.

- А кормить чем будем?

- Чем их кормят? Молочком, кашками разными. Голодным не оставим.

- Не оставим, - кивнул Андрейка.

70. В комнате поздно ночью.

Андрейка спал в своей кровати, когда послышался плач ребенка. Андрейка встал, зажег свет в большой комнате. Здесь за столом, свесив голову на грудь, спал дед. Перед ним стояла пустая бутылка. Ребенок заливался в своей колыбельке. Андрейка подошел к нему. Пустая бутылочка лежала рядом. Мальчик взял ребенка на руки, дал ему соску. Тот пососал немного, затем выплюнул ее и снова заплакал.

Несколько мгновений Андрейка стоял в нерешительности. Затем положил малыша на диван, стянул пиджак, который висел позади деда на спинке стула, расстелил на диване и закутал в него ребенка. Потом оделся сам, схватил с подоконника фонарик, взял на руки сверток и, не выключив свет в комнате, вышел на улицу.

71. На улице.

На улице было темно. Андрейка шел, освещая путь фонариком. Малыш не плакал, лишь кряхтел недовольно. Вскоре дорога привела их на заброшенную стройку.

72. В собачьей норе.

Здесь он отыскал вход в собачье убежище и протащил внутрь ребенка. Все собаки были здесь. Появлению гостей они обрадовались, окружили их, пытаются лизнуть и того, и другого. Овчарка-мать не встала, поскольку щенята утрелись возле ее теплого бока, и ей не хотелось их беспокоить. Андрейка поднес к ней Ваню. Она облизала его лицо, а Андрейка сказал:

– Вот, принес тебе ребеночка. Его покормить надо.

Затем он приложил мальчика к ее светлomu животу. Пришлось немного оттеснить в сторону щенят, которые повозмутились и вскоре успокоились. Ваня сам нашел сосок и зачмокал губами. Овчарка спокойно ждала, когда он насытится. Когда малыш перестал сосать, Андрейка взял его на руки и сказал:

– Спасибо... Машенька!

И поцеловал ее в нос.

После этого он снова положил ребенка рядом с ней, сам улегся тут же, и они заснули. Успокоились и собаки, улеглись вокруг Андрейки и его брата.

Лишь в полной темноте еще долго мерцали глаза овчарки-матери.